

14–16 июня 2023 г.

Parallel corpus as a tool for semantic analysis: The Russian discourse marker *stalo byt'* ('consequently')

Anna A. Zalizniak

Institute of Linguistics of the RAS /
Moscow, B. Kislovskiy 1
anna.a.zalizniak@gmail.com

D. O. Dobrovolskij

Russian Language Institute of the RAS /
Moscow, Volkhonka 18/2
Institute of Linguistics /
Moscow, B. Kislovskiy 1
Stockholm University /
10691 Stockholm Sweden
dobrovolskij@gmail.com

Abstract

The article examines the semantics of the Russian discourse marker *stalo byt'*, using the data obtained by analyzing translational correspondences extracted from parallel corpora of the Russian National Corpus (RNC). Typically, this discourse marker is an indicator of inferential evidentiality, by which the speaker marks the fact that the given statement is a conclusion made by the speaker on the basis of the information they received and accepted as true by default. In addition, *stalo byt'* has two secondary types of usage – “rhetorical” and “narrative” – where the basic semantics of this discourse marker is subject to certain modifications. One of the key points of analysis is the reconstruction of semantic mechanisms providing the actual semantics of *stalo byt'*.

Keywords: semantics, Russian, parallel corpus, translation, discourse markers, evidentiality, epistemic assessment, semantic shift

DOI: 10.28995/2075-7182-2023-22-566-578

Параллельный корпус как инструмент семантического анализа: русское *стало быть*¹

Зализняк Анна А.

Институт языкознания РАН /
Москва, Большой Кисловский пер. 1
anna.a.zalizniak@gmail.com

Добровольский Д. О.

Институт русского языка РАН /
Москва, Волхонка 18/2
Институт языкознания РАН / Москва,
Большой Кисловский пер. 1
Стокгольмский университет /
10691 Стокгольм, Швеция
dobrovolskij@gmail.com

Аннотация

В статье исследуется семантика русского дискурсивного слова *стало быть* с использованием данных, полученных путем анализа переводных соответствий, извлекаемых из параллельных корпусов НКРЯ. Демонстрируется, что в своем основном типе употребления это слово представляет собой показатель инференциальной эвиденциальности, при помощи которого говорящий маркирует тот факт, что вводимое им утверждение – это умозаключение, сделанное им на основании полученной им информации и по умолчанию принимаемое за истинное. Кроме того, у *стало быть* имеется два производных типа употребления – «риторическое» и «нарративное», – где базовая семантика этого дискурсивного слова подвергается определенным модификациям. Также реконструируется путь формирования этой единицы и анализируются семантические механизмы, обеспечивающие ее актуальную семантику.

Ключевые слова: семантика, русский язык, параллельный корпус, перевод, дискурсивные слова, эвиденциальность, эпистемическая оценка, семантический переход

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ, грант № 22-18-00586.

1 «Монофокусный» метод семантического анализа

Появление параллельных корпусов текстов открыло новые возможности семантического анализа. В частности, был разработан «монофокусный» метод контрастивного корпусного исследования, в рамках которого сопоставление оригинального текста с его переводом используется как инструмент выявления неочевидных компонентов значения той единицы одного из этих двух языков, которая является объектом анализа (находится «в фокусе»). Эти неочевидные компоненты значения могут быть обнаружены как среди вариантов («моделей») перевода интересующей нас единицы на другой язык, так и среди «стимулов» ее появления при переводе с другого языка. Такой метод корпусного анализа применялся в течение последних лет для исследования семантики ряда языковых единиц, в том числе, дискурсивных слов, в работах [Сичинава 2014; Зализняк 2015; Шмелев 2015; Добровольский, Зализняк 2021, 2022; Добровольский, Левонтина 2015; Dobrovol'skij, Röppel 2022] и др.; наиболее эффективным он оказывается при исследовании «лингвоспецифичных» единиц (т.е. таких, которые не имеют однозначного переводного эквивалента). К таким единицам безусловно относится русское дискурсивное слово *стало быть*².

Очевидно, что использование того или иного эквивалента – это выбор переводчика, который может оказаться более или менее удачным. Однако, если исключить из рассмотрения (достаточно редкие) случаи откровенно ошибочного перевода, все случаи неточного перевода, при котором какие-то компоненты значения оригинала утрачиваются или, наоборот, возникают лишние, с точки зрения анализа интересующей нас единицы оригинала представляют не меньшую, а возможно и большую ценность, чем случаи достаточного точной передачи ее смысла, поскольку позволяют эксплицировать скрытые семантические компоненты.

В данной статье излагаются результаты применения этого метода к анализу русского дискурсивного слова *стало быть*. Эта единица представляет интерес, во-первых, потому что она имеет достаточно сложную семантику, которая до сих пор не была предметом специального анализа, во-вторых, потому что единица с аналогичной внутренней формой отсутствует в других – по крайней мере европейских – языках, в том числе в близкородственных славянских.

В словаре МАС [IV, 255] словосочетание *стало быть* помещено под ромбом в статье «стать» с толкованием-перифразой *значит, следовательно*. Действительно, основным для этой единицы следует считать значение умозаключения, которое делает говорящий на основании каких-то данных. В РГ-80 *стало быть* названо «союзным аналогом», оформляющим причинно-следственные отношения – наряду с такими словами как *потому (и), поэтому, значит, следовательно, итак, таким образом* (§ 3152), а также «специализированным коррелятом» условного союза, который называет следствие, вывод, умозаключение – наряду со словами *следовательно, значит, выходит и знать* (§ 3018-3020). В словаре [Морковкин (ред.) 2022] у *стало быть* различаются три значения на основании его синтаксической функции: вводное слово, союз и соотносительное слово.

Однако, как семантика дискурсивной единицы *стало быть*, так и прагматические условия ее появления требуют дальнейшего исследования. В частности, само выражаемое ею значение умозаключения весьма специфично, и эта специфика может быть выявлена при помощи, в том числе, анализа типов переводных эквивалентов.

Анализ проводился на материале немецкого, английского, французского, итальянского и испанского параллельных корпусов НКРЯ для обоих направлений перевода³; частично использовался также материал ряда славянских параллельных корпусов и основного корпуса НКРЯ.

² В соответствии с определением термина «дискурсивное слово», введенным в оборот в работах группы Д. Пайара (см. [Баранов и др. 1993; Киселева, Пайар (ред.) 1998]) и ставшим общепринятым, данная категория включает в том числе неоднословные единицы.

³ Немецкий подкорпус (1245 вхождений *стало быть*), английский (1193), итальянский (245), французский (234), испанский (83); всего – 3000 примеров.

2 *Стало быть*: путь формирования дискурсивного слова

До середины XVIII в. словосочетание *стало быть* употребляется как свободное, и означает 'начало иметь место <некоторое положение дел>'; встречается в контексте словоформы, входящей в состав сказуемого (ср. (1), (2))⁴:

- (1) И как немного от болезни *стало быть* *лехче*, не дожидаясь совершенного выздоровления, съехал на галеру. [А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698-1721)]
- (2) По притчинѣ такой перемѣны полковникъ, которой при насъ провожатымъ былъ, предлагалъ намъ, что водою ѣхать *стало быть* *не можно*, и для того надобно пообождать сухаго пути <...> [А. Л. Леонтьев. Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке-хану (1762)]

Значение умозаключения появляется в конце XVIII в., когда выражение *стало быть* начинает употребляться в контексте самостоятельной предикативной единицы, в результате чего оно выходит из состава предложения и становится вводным ср.:

- (3) Естьли они меня погубят, они в том и будут отвечать богу, и коли они променяли деньги на человека, то, *стало быть*, *им деньги милее дочери* <...> [П. А. Плавильщиков. Бобыль (1790)]

После 1800 г. на употребление словосочетания *стало быть* в старом значении 'начало иметь место <некоторое положение дел>' в НКРЯ имеются лишь единичные примеры. В подавляющем большинстве случаев *стало быть* употребляется в новом значении умозаключения, ср.:

- (4) Поблагодарили А. П. Бунину за ея ко мнѣ письмо и стихи; скажи ей, что я всегда то сдѣлаю, что могу, и если не сдѣлаю, такъ *стало быть* *невозможно было*. [А. С. Шишков. Письма жене (1813-1814)]

В современном дискурсивном слове *стало быть* от первоначального *стало быть* Р, т.е. 'наступило новое состояние Р' сохраняется компонент 'переход в новое состояние': у говорящего возникло некоторое новое представление – результат интерпретации только что полученной информации. Идея наступления новой ситуации в мире трансформируется в идею возникновения нового представления о мире в сознании говорящего (т.е. происходит «субъективизация» по [Traugott 1982]). Это представление не является в полном смысле знанием, но является убеждением, которое по умолчанию говорящий готов принять за истинное.

Путь возникновения компонента логического следствия в семантической эволюции *стало быть* от значения 'перехода в состояние' к современному значению умозаключения может быть реконструирован следующим образом. Исходное значение указывает на временную последовательность ситуаций: имело место ситуация S1, в некоторый момент наступила ситуация S2. В ходе диахронической семантической эволюции отношение последовательности во времени преобразуется в отношении логического следствия, устанавливаемого говорящим (очевидно, по известному принципу *post hoc ergo propter hoc*), ср. [Traugott 1982: 258] о переходе значения следования во времени в значение логического следствия в англ. *since, so, then, thence, hence, therefore, consequently* (ср. рус. *следовательно*), а также [Traugott, König 1991; Heine, Kuteva 2002: 275] об англ. *since*. Тот же процесс имел место в рус. *поэтому*, исп. *pues*, и др., ср. семантический переход ID7461 в Базе данных семантических переходов (www.datsemshift.ru).

Другим источником значения умозаключения являются указательные наречия с исходным значением образа действия (ср. рус. *таким образом*); см. семантический переход ID7464. Такого рода словосочетания являются одним из типов «стимулов» появления *стало быть* в русских переводах.

⁴ В примерах *стало быть* и его переводной эквивалент выделяются п/ж курсивом, а вводимый *стало быть* фрагмент – светлым курсивом.

Согласно статистике НКРЯ⁵, частота употребления дискурсивного слова *стало быть* в основном корпусе начинает резко возрастать в 30-е годы XIX в., достигает максимума около 1870 г. (ок. 160 ipm) и далее начинает постепенно убывать; после 2000 г. скорость убывания несколько увеличивается, и к концу периода 2000–2021 частотность *стало быть* оказывается ок. 1 ipm (см. рис. 1). В устном корпусе пик частотности приходится на середину XX в. (ок. 132 ipm), после 1980 г. она начинает убывать, и к концу 2010-х гг. она оказывается также ок. 1 ipm (см. рис. 2). Скорость убывания частотности *стало быть* в разговорной речи в XXI в. возрастает; так, из 104 вхождений в период 2000–2019 на период 2010–2019 приходится всего 12, из них девять принадлежат людям старше 50-ти, два примера – это исполнение произведений XIX в., и лишь один принадлежит 34-летнему человеку, и это «нарративное» (см. ниже) *стало быть*. Аналогичную тенденцию демонстрируют также данные основного корпуса НКРЯ за период 2000–2021 (см. рис. 3). Приведенные данные свидетельствуют о том, что на сегодня единица *стало быть* является одновременно разговорной и уходящей, т.е. она присутствует преимущественно в разговорной речи старшего поколения, а также в литературных текстах, воспроизводящих речь разных эпох.

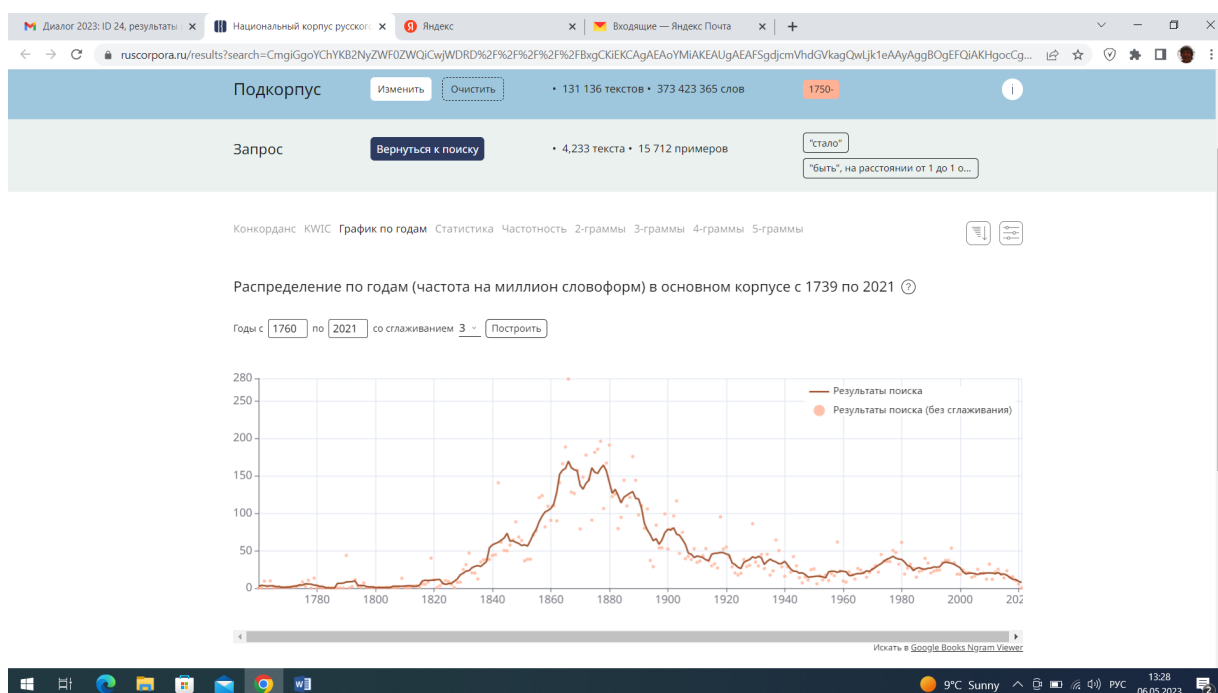
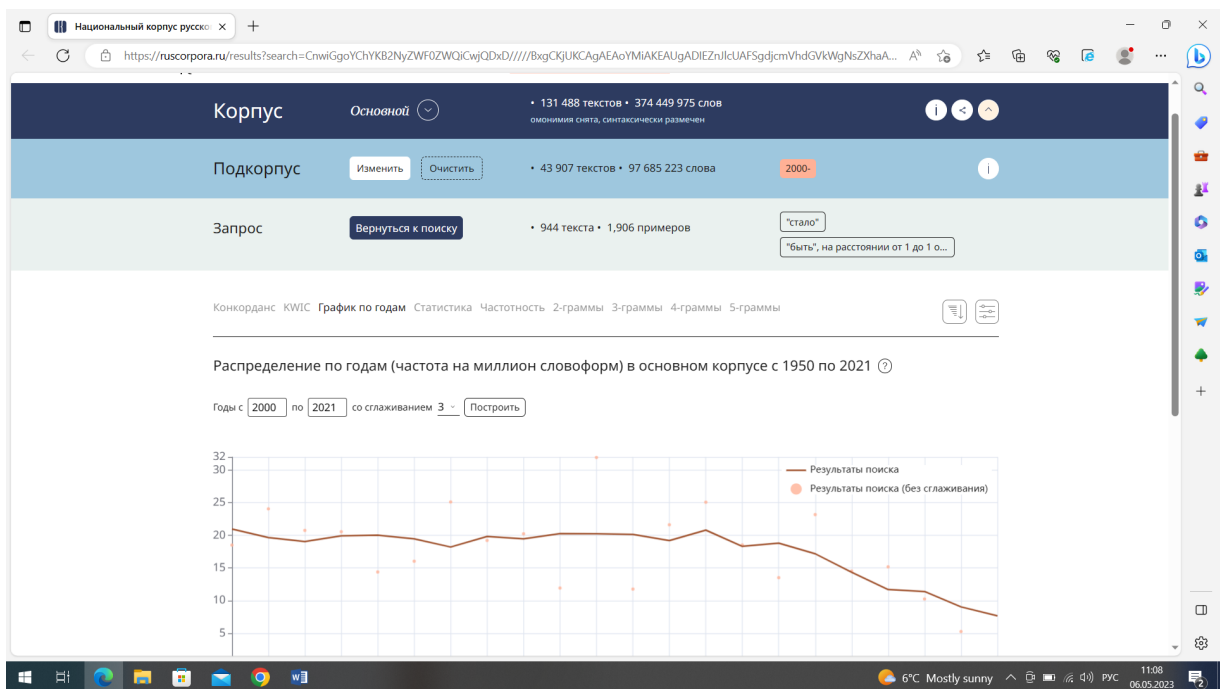
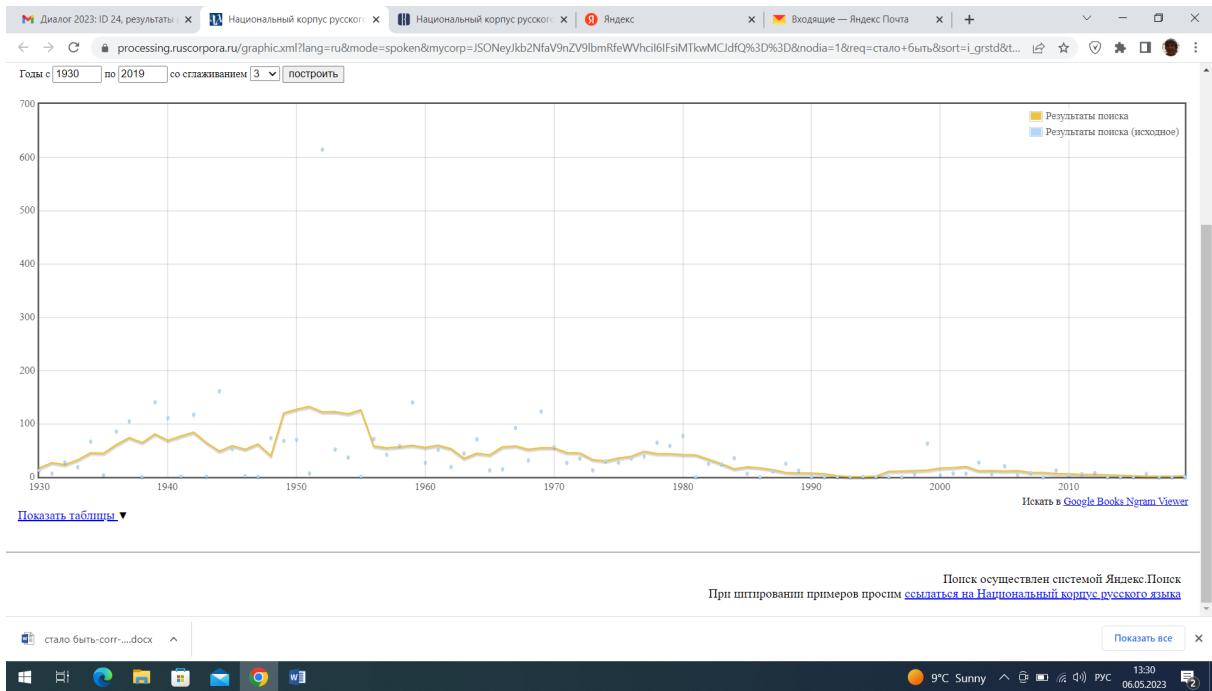


Рис. 1: График распределения *стало быть* по годам в основном корпусе НКРЯ за период с 1760 по 2021 гг.

⁵ Дата просмотра 05.05.2023.



3 *Стало быть* как показатель инференциальной эвиденциальности

Наш главный тезис состоит в том, что *стало быть* является в русском языке показателем инференциальной эвиденциальности (inferential evidentiality, по [van der Auwera, Plungian 1998: 85]: “the subtype that identifies the evidence as based upon reasoning”; см. также [Aikhenvald 2004] и др.), причем особого рода. В своем основном типе употребления это дискурсивное слово вводит

утверждение, которое представляет собой умозаключение, сделанное говорящим на основании каких-то данных и по умолчанию принимается им за истинное. Этим *стало быть* отличается от слов *видимо*, *по-видимому* и *похоже* (также обычно относимых к показателям инференциальной эвиденциальности, ср. напр. [Козинцева 2007]), представляющих собой вывод в форме предположения, которое может оказаться неверным⁶. *Стало быть* отчетливо противопоставлено также показателю эпистемической необходимости *должно быть*, который также вводит предположение, обладающее большей степенью уверенности. Ср. (5) и (6):

(5) Он не подходит к телефону – *должно быть*, он спит.

(6) Он не подходит к телефону – *стало быть*, он спит.

В первом случае это предположение (которое может оказаться неверным), во втором – окончательное суждение, принимаемое говорящим за истинное. Второе предложение уместно только в том случае, если говорящий откуда-то знает, что то, что он спит, является единственной возможной причиной того, что он не подходит к телефону. И наоборот, в предложении (7) (по мотивам известного эпизода из «Семнадцати мгновений весны») неуместно было бы употребление *должно быть*, поскольку говорящему известно наличие безусловной связи между этими двумя ситуациями.

(7) На подоконнике стоит цветок – *стало быть*, явочная квартира обнаружена.

В этом отношении *стало быть* сближается со словами *значит* (в наибольшей степени), а также *следовательно*, отличаясь от последнего, в частности, менее рациональным характером процедуры вывода.

Напомним, что умозаключение вида ‘имеет место наблюдаемый факт А, следовательно имеет место ненаблюдаемый факт В’ может представлять собой обращение причинно-следственного отношения ‘факт В является причиной факта А’, т.е. ментальную операцию, восстанавливающую ненаблюдаемую причину по ее наблюдаемому следствию⁷. Так, в примере (6) факт ‘он спит’ реально является причиной факта ‘он не подходит к телефону’. При этом как *стало быть*, так и *значит* (и, безусловно, *следовательно*) могут вводить также следствие, ср.: *Деньги кончились, следовательно/стало быть/значит мы никуда не едем*: отсутствие денег – причина, отказ от поездки – следствие. Ср. также *Год был засушливый, следовательно/стало быть/значит урожай будет плохой*, и т.п. Но *стало быть* и *значит* могут вводить также восстанавливаемую причину – в отличие от *следовательно*, для которого такое употребление не то что исключено, но нехарактерно, ср.: *Он не подходит к телефону, стало быть/значит/следовательно он спит*. Возможность такой перестановки причины и следствия характерна для большинства коннекторов типа нем. *also*, фр. *donc*, итал. *dunque, quindi*, исп. *pues, entonces* и т.п., выступающих как наиболее частотные (ок. 55 %) переводные эквиваленты для русского *стало быть*.

Однако процедура умозаключения не обязательно опирается на причинно-следственное отношение: это могут быть просто два обстоятельства, которые связаны между собой таким образом, что имеют место одновременно – в силу устройства обсуждаемого фрагмента мира или какой-то конвенции, ср. *Сегодня воскресенье, стало быть/значит/следовательно магазин закрыт*. Это могут быть также два разных способа назвать одно и то же или интерпретировать некоторый наблюдаемый факт; в этом случае могут появляться эквиваленты типа ‘то есть’, ‘иначе говоря’, ‘означать’, ср. (8)–(10):

⁶ Различие между *стало быть*, с одной стороны, и *видимо*, *по-видимому*, *похоже* – с другой, состоит, во-первых, в степени уверенности говорящего во видимым этими словами утверждении. Во-вторых, *стало быть*, в отличие от остальных вышеупомянутых слов, вводит умозаключение, сделанное только что: это всегда новая для говорящего информация. В-третьих, в *стало быть* компонент умозаключения находится в фокусе. При этом основанием для вывода для всех обсуждаемых слов могут служить данные любого рода, не обязательно зрительные, см. подробнее [Зализняк 2021].

⁷ В этом случае такое наблюдаемое (реальное, онтологическое) следствие выступает в роли «логической причины», ср. [Богуславская, Левонтина 2004: 86], а также противопоставление «реальная vs. логическая каузация» в [Иорданская, Мельчук 1996: 200-201].

- (8) Все для вас, для крестьян; **стало быть**, и для тебя. [Иван Гончаров. Обломов (1849-1858)]
Tutto per voi, per i contadini; **ciòè anche per te**. [Ivan Goncarov. Oblomov (Argia Michettoni)]
- (9) Сам Т. Манн в истории создания своего романа говорит об этом так: «Побольше шутовски, ужимок биографа <...>, **стало быть**, глумления над самим собой, чтобы не впасть в патетику <...>». [Михаил Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]
Th. Mann lui-même parle ainsi de la genèse de son roman: “Il faut davantage de plaisanteries, de grimaces de la part du biographe <...>, **autrement dit**, de persiflage de soi-même pour ne pas tomber dans l'emphase <...>.” [Mikhaïl Bakhtine. La poétique de Dostoïevski (Isabelle Kolitcheff, 1970)]
- (10) Verlangt hundert Dollar dafür. **Das heißt**, er gibt es für achtzig. Scheint mir billig zu sein. [Erich Maria Remarque. Schatten im Paradies (1965-1970)]
Просит за нее сто долларов. Отдаст, **стало быть**, за восемьдесят. По-моему, дешево.
[Эрих Мария Ремарк. Тени в раю (Л. Б. Черная, В. Котелкин, 1971)]

При этом вывод, формулируемый при помощи *стало быть*, все же не обязательно является полноценным утверждением; в нем может присутствовать элемент неуверенности, поскольку, как говорящий отчасти сам понимает, знание им фактов, на которые он опирается, может быть неполным, да и сама логика умозаключения может оказаться ошибочной. О неполной «надежности» утверждения, вводимого *стало быть*, свидетельствует возможность перевода модальными наречиями и эпистемическим ‘должен’, ср.:

- (11) Оружие в розыске не числилось, **стало быть**, до этих убийств при совершении преступлений не использовалось. [Александра Маринина. Шестерки умирают первыми (1995)]
Die Waffe befand sich nicht in der Sachfahndung, **offenbar** war sie, bevor die Morde begangen wurden, noch nicht zu kriminellen Zwecken benutzt worden. [Alexandra Marinina. Mit verdeckten Karten (Natascha Wodin, 2003)]
- (12) – Какого убитого? – спросил человек и поглядел исподлобья... – Тут вот на улице, три дня, как его убили... – Ага, **стало быть**, юнкер или офицер... [Михаил Булгаков. Белая гвардия (1924)]
– Quel mort? demanda l'homme en les regardant par en dessous. – Dans la rue, tout près d'ici, il a été tué il y a trois jours... – Ah! ah! **Un junker ou un officier probablement...** [Mikhail Boulgakov. La Garde Blanche (Claude Ligny, 1970)]
- (13) А уж если она повышает голос, **стало быть**, пожар полыхает вовсю. [Александра Маринина. Шестерки умирают первыми (1995)]
Und wenn sie anfang zu schreien, **dann mußte** höchste Alarmstufe angesagt sein. [Alexandra Marinina. Mit verdeckten Karten (Natascha Wodin, 2003)]
- (14) Зато если тебе скажут все, что ты просишь, **стало быть**, все в порядке, твой адрес на контроле не находится. [Александра Маринина. Шестерки умирают первыми (1995)]
Wenn man dir die Auskunft gibt, ist **höchstwahrscheinlich alles in Ordnung**, dann brauchen wir uns keine Sorgen mehr zu machen. [Alexandra Marinina. Mit verdeckten Karten (Natascha Wodin, 2003)]

Отдельно отметим характерное использование – в качестве как «стимула», так и «модели» перевода – нем. частицы *wohl* с исходным значением ‘хорошо’, что также свидетельствует о субъективном – и, тем самым, не полностью надежном характере эпистемической оценки, выражаемой *стало быть*. Ср.:

- (15) *Eure Mutter versteht wohl keine zu backen?* [Erwin Strittmatter. Tinko (1954)]
Стало быть, твоя мать их печь не умеет? [Эрвин Штриттматтер. Тинко (Вс. Розанов, 1956)]
- (16) Куда ж вы? **Стало быть**, нет дома чаю? [Ф. М. Достоевский. Бесы (1872)]
Wo wollen Sie denn hin? Sie haben wohl keinen Tee im Hause? [Fëdor Dostoevskij. Die Dämonen (Hermann Röhl, 1920)]

Именно эта «эпистемическая неопределенность», возможность колебания между полной и неполной уверенностью определяет лингвоспецифичность русского *стало быть*.

4 Типы употребления *стало быть* в современном языке

Мы предлагаем различать три основных типа употребления *стало быть*, которые обозначим условно как «основное», «риторическое» и «нарративное».

1. **Основное:** показатель инференциальной эвиденциальности, т.е. это вывод, который делает говорящий из известных фактов и который он принимает, с определенной долей сомнения, за истинный.

1.1. В утвердительном предложении в монологе или диалоге. Рассмотрим следующий пример.

- (17) Однако неожиданно возле него столкнулись две женщины, и одна из них, востроносая и простоволосая, закричала над самым ухом поэта другой женщине так: – Аннушка, наша Аннушка! С Садовой! Это ее работа! Взяла она в бакалее подсолнечного масла, да литровку-то о вертушку и разбей! Всю юбку изгадила... Уж она ругалась, ругалась! А он-то, бедный, *стало быть* поскользнулся да и поехал на рельсы... [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)]

При переводе этого фрагмента на другие языки реализуются две разные стратегии. Во французском и испанском переводах модальный оператор вообще опущен («модель перевода» – ZERO): в переводе отражен лишь компонент уверенности говорящего в истинности вывода, т.е. второе утверждение представлено в виде факта, ср.:

- (18) <...> Et l'autre, le malheureux, **ZERO** il a glissé là-dessus et il s'est retrouvé sur les rails... [Mikhaïl Boulgakov. Le Maître et Marguerite (p 1) (Claude Ligny, 1968)]
- (19) <...> у ese pobrecito que **ZERO** se resbala y a la vía...! [Mijaíl Bulgákov. El maestro y Margarita (Amaya Lacasa Sancha, 1967)]

А в английском, немецком и итальянском переводах использован показатель вероятностной оценки: предикат ‘должен’ в эпистемическом значении или модальное наречие ‘видно’, т.е. отражен тот факт, что второе утверждение представляет собой всего лишь умозаключение говорящего, которое при взгляде со стороны может оказаться неверным, ср.:

- (20) <...> And he, poor man, **must have slipped** and – right on to the rails... [Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1979)]
- (21) <...> Der arme Kerl **muß ausgerutscht sein** und auf die Schienen gefallen. [Michail Bulgakow. Der Meister und Margarita (Thomas Reschke, 1968)]
- (22) <...> E lui, poverino, **si vede che è scivolato** ed è andato a finire sulle rotaie... [Mikhail Bulgakov. Il Maestro e Margherita (p 1) (Vera Dridso, 1967)]

Что Аннушка разлила подсолнечное масло – это известный говорящему факт (то, что она испачкала юбку и как ругалась – говорящий, очевидно, наблюдал). Что Берлиоз *поскользнулся* на этом масле *и поэтому* упал на рельсы – вывод, сделанный говорящим и представляющийся ему истинным – что маркируется в русском оригинале словом *стало быть*.

В переводах этого предложения на славянские языки в основном использованы те же две стратегии: в болгарском – ZERO, в польском, чешском словенском и сербском – модальные наречия эпистемической оценки (‘вероятно’); в белорусском и украинском использованы наиболее близкие к русскому *стало быть* показатели умозаключения.

1.2. В вопросе, требующем ответа: говорящий выражает свою уверенность в правильности сделанного вывода на основании имеющихся в его распоряжении данных, но допускает их неполноту; задавая вопрос, говорящий ожидает от собеседника, который, по его предположению,

обладает большей информацией, подтверждения правильности сделанного вывода (при этом по форме предложение со *стало быть* по форме может быть как вопросительным, так и утвердительным)⁸. Так, в примере (23) маркируя при помощи *стало быть* вывод, сделанный на основании информации, полученной из предшествующей реплики диалога (ср. «жара африканская, редкая в наших широтах»), говорящий дает понять, что не полностью уверен в правильности сделанного им вывода (ср. «если не ошибаюсь»), и предлагает собеседнику подтвердить этот вывод.

- (23) – Притом жара африканская, редкая в наших широтах. <...> – **Стало быть** сами из России будете, если не ошибаюсь. – Из Белокаменной. [Борис Пастернак. Доктор Живаго (1945-1955)]

Соответственно, *стало быть* может появляться в переводе на месте показателей эпистемической оценки, ср. ‘я полагаю’ в (24), форма конъюнктива в (25), модальный глагол в эпистемическом значении в (26):

- (24) – Deberá disculparle, no conoce a nadie. – *Su guardaespaldas, supongo*. – En efecto. [Eduardo Mendoza. La verdad sobre el caso Savolta (1975)]
– Вы должны извинить его, он пока никого не знает. – **Стало быть**, это ваш телохранитель? – Вот именно. [Эдуардо Мендоса. Правда о деле Саволты (Николай Любимов, 1985)]
- (25) Cuestión de celos, probablemente. – ¿O sea que hay otro? – Digo yo... [Eduardo Mendoza. La verdad sobre el caso Savolta (1975)]
Из ревности, наверное. – **Стало быть**, есть кто-то еще? – Возможно. [Эдуардо Мендоса. Правда о деле Саволты (Николай Любимов, 1985)]
- (26) „Meine Stadtwohnung.“ „Dann *dürfte* der *Ihr Autoschlüssel sein*?“ „So ist es.“ [Siegfried Lenz. Fundbüro (2003)]
– От моей городской квартиры. – А этот, **стало быть**, от машины? – Так оно и есть. [Зигфрид Ленц. Бюро находок (Г. М. Косарик, 2004)]

В вопросе, требующем ответа, на месте *стало быть* одновременно с показателем умозаключения могут появляться показатели эпистемической оценки, ср.:

- (27) Ihr habt **also wahrscheinlich** das Haus selber gebaut oder es sehr umgestaltet? [Adalbert Stifter. Der Nachsommer (1857)]
Вы, **стало быть**, сами и построили дом или изрядно его перестроили? [Адальберт Штифтер. Бабье лето (С. К. Апт, 1999)]
- (28) – Позвольте! – вдруг воскликнула она, – какого Берлиоза? это, что в газетах сегодня... – Как же, как же... – Так это, **стало быть**, литераторы за гробом идут? – спросила Маргарита и вдруг оскалилась. – Ну, натурально, они! [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929-1940)]
<...> – Mais **alors**, ce sont **sans doute** des écrivains qui suivent son enterrement? <...> [Mikhail Boulgakov. Le Maître et Marguerite (p 2) (Claude Ligny, 1968)]

Появление в переводе, помимо показателей вывода (типа нем. *also* и фр. *alors*), еще и показателей эпистемической оценки (типа нем. *wahrscheinlich* и фр. *sans doute*) является свидетельством того, что русское выражение *стало быть* включает компонент неуверенности в правильности сделанного вывода.

⁸ *Стало быть* обычно употребляется в общем вопросе, представляющем собой запрос на подтверждение высказанной говорящим гипотезы. В тех редких случаях, когда оно использовано в частновопросительном предложении (т.е. содержащем вопросительное слово, ср.: – *Стало быть, сколько дней, вы полагаете, не тронется ваша икра?* – спросил он. (В.А. Каверин. Открытая книга)) *стало быть* указывает на умозаключение, которое говорящий предлагает сделать собеседнику.

Специально отметим, что вводимое *стало быть* умозаключение обычно делается на основании данных, полученных *только что*: из предшествующей реплики собеседника в диалоге (ср. примеры выше) или из собственного наблюдения (ср. (29)).

- (29) Тут Маргарита замерла, потому что узнала вдруг этого Майгеля. Он несколько раз попался ей в театрах Москвы и в ресторанах. «Позвольте... – подумала Маргарита, – он, *стало быть*, что ли, тоже умер?» [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929-1940)]

2. Риторическое: когда говорящий только *делает вид* что вводимое при помощи *стало быть* высказывание – это результат его умозаключения. Причины использования такой дискурсивной стратегии могут быть различными. В частности, этот эффект возникает в ответе на вопрос, представляющем собой безоговорочное подтверждение высказанной собеседником гипотезы; при этом говорящий *как бы* ссылается на то, что это из чего-то с необходимостью следует.

- (30) – На нее напоролися? – чмокал Перхуша. – *Стало быть*, на нее. [Владимир Сорокин. Метель (2010)]

Такое риторическое *стало быть* может быть, в частности, использовано при отказе отвечать на вопрос об основании высказанного только что мнения, ср.:

- (31) – Неделю у нас прожил; кроме хорошего, ничего от него не видали, – сказала она. – Обходительный, умный, справедливый. – Почему вы это все узнали? – *Стало быть*, узнала. [Л. Н. Толстой. Хаджи-Мурат (1896-1904)]

Риторическое *стало быть* может также употребляться для выражения иронии, в качестве маркера условного принятия на веру сделанного собеседником утверждения, ср. появляющиеся в последующем тексте *допустим и это* и *предположим даже* в примере (32); ср. также характеристику «иронически» в (33):

- (32) – Ну, хорошо, – ответил мастер, – ведьма так ведьма. Очень славно и роскошно! Меня, *стало быть*, похитили из лечебницы! тоже очень мило. Вернули сюда, допустим и это... Предположим даже, что нас не хватятся, но скажи ты мне ради всего святого, чем и как мы будем жить? [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929-1940)]

- (33) – Ты серьезно уверена в том, что мы вчера были у сатаны? – Совершенно серьезно, – ответила Маргарита. – Конечно, конечно, – иронически заметил мастер, – теперь, *стало быть*, налицо вместо одного сумасшедшего двое! И муж и жена. [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929-1940)]

3. Нарративное: *стало быть* как маркер возвращения к прерванному сюжету, используя который говорящий дает понять, что дальнейший рассказ как бы следует из сказанного ранее, *как если бы* сказанное ранее было причиной того, о чем идет речь сейчас. Так, в примере (34) *стало быть* в этой функции маркера возврата к прерванной собеседником линии изложения говорящим своего сюжета появляется в русском переводе на месте *del resto, dovete sapere* (что-то вроде *а еще вы должны знать следующее*).

- (34) И какие огромные куски они отхватывали! Я никогда не думал, что рыбы еще прожорливее, чем маленькие мальчики... Они съели мою морду, мою шею и гриву, мою кожу на ногах, мою шкуру на спине <...> – Отныне, – сказал покупатель с отвращением, – я, с божьей помощью, никогда не буду есть рыбы! <...> – Я вполне разделяю ваше мнение, – ответил Деревянный Человечек и засмеялся. – *Стало быть*, когда рыбы съели ослиную кожу, в которую я был обернут с головы до ног, они, натурально, *наткнулись на кости*... [Carlo Collodi. Pinocchio (1883) | Карло Коллоди. Приключения Пиноккио (Э. Казакевич, 1959)]

В (35) героиня говорит о приходе красных, потом отвлекается на историю своей семьи (выделено фигурными скобками); возвращение к прерванному рассказу маркируется дискурсивным словом *ну вот*, а *стало быть* использовано в качестве дополнительного маркера той же дискурсивной функции.

- (35) Когда стали мы, то есть, наши красные, к ихнему главному городу белому подходить, этот самый Комаров министр посадил маменьку со всей ихнею семьей в особенный поезд литерный и приказали увезть, ведь маменька были пуганые и без них не смели шагу ступить. {А про меня он даже не знал, Комаров. Не знал, что я такая есть на свете. Маменька меня в долгой отлучке произвели и смертью обмирали, как бы кто об том ему не проболтался. Он ужась как того не любил, чтобы дети, и кричал и топал ногами, что это одна грязь в доме и беспокойство. Я, кричал, этого терпеть не могу.} Ну вот, *стало быть*, как стали подходить красные, *послали маменька за сторожской Марфой на разъезд Нагорную*, это от того города в трех перегонах. [Борис Пастернак. Доктор Живаго (1945-1955)]

Дальнейший путь семантической эволюции нарративного *стало быть* – десемантизация, «выветривание», аналогичное тому, которое претерпело превратившееся в «слово-паразит» слово *значит*, с той же исходной семантикой вывода на основании каких-то данных.

5 Заключение

Итак, русское *стало быть* в своем основном типе употребления представляет собой показатель инференциальной эвиденциальности: при помощи этого слова говорящий маркирует тот факт, что вводимое им утверждение – это умозаключение, сделанное им на основании какой-то (полученной только что) информации. Это умозаключение принимается говорящим за истинное – с возможной оговоркой, обусловленной тем, что полной уверенности в истинности информации, послужившей источником сделанного умозаключения, у него может не быть; в этом случае говорящий обычно использует *стало быть* в вопросительном высказывании, имеющем целью получить от собеседника подтверждение правильности своего вывода. Таким образом, в рамках основного типа употребления *стало быть* осциллирует между убежденностью и сомнением. Наличие именно этих двух составляющих значения *стало быть* подтверждается проведенным анализом его переводных эквивалентов в пяти языках, которые распределяются следующим образом: ок. 60% использованных профессиональными переводчиками эквивалентов составляют языковые единицы, маркирующие умозаключение (прежде всего, коннекторы, но также некоторые другие средства выражения идеи логического следования, в том числе, вставка причинного союза в предшествующую клаузу, а также единицы с исходным значением 'так, таким образом' и др.), ок. 7% составляют единицы со значением (высокой) оценки вероятности – модальные наречия и модальные глаголы в эпистемическом значении, ок. 6% – языковые единицы со значением «передаваемого смысла» или тождества, ок. 2% приходится на различного рода описательные конструкции и другие средства, выбранные переводчиком для передачи значения *стало быть* в определенном контексте, что также свидетельствует о лингвоспецифичности обсуждаемого русского дискурсивного слова. И, наконец, примерно в 25% случаев обнаруживается «нулевая» эквивалентность, т.е. русское *стало быть* опускается в переводе с русского или, наоборот, возникает как бы «из ничего» в переводе на русский. В таких случаях идея следования/умозаключения либо остается невыраженной, либо наоборот эксплицируется.

Кроме того, у *стало быть* имеется два производных типа употребления, которые мы обозначили как «риторическое» и «нарративное», где базовая семантика этого дискурсивного слова подвергается определенным модификациям.

Благодарности

Авторы благодарят анонимных рецензентов за конструктивные замечания, которые были по возможности учтены в окончательной версии статьи.

Литература

- [1] Баранов А.Н., Плуноян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. — М.: Помовский и партнеры, 1993.
- [2] Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке // Вопросы языкознания, 2004. №2, с. 68–88.
- [3] Добровольский Д. О., Зализняк Анна А. Параллельный корпус как инструмент семантического анализа: немецкий модальный глагол *sollen* // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2021». — СПб.: Скифия-принт, 2021, с. 209–218.
- [4] Добровольский Д. О., Зализняк Анна А. Эвиденциальность и эпистемическая оценка в значении немецких глаголов *sollen* и *wollen* (по данным немецко-русского параллельного корпуса) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог 2022». Вып. 21 (28). — М.: РГГУ, 2022, с. 132–140.
- [5] Добровольский Д.О., Левонтина И.Б. Модальные частицы и идея актуализации забытого (на материале параллельных корпусов) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2015». Вып. 14 (21). — М.: РГГУ, 2015, с. 106–117.
- [6] Зализняк Анна А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2015». Вып. 14 (21). — М.: РГГУ, 2015, с. 651–662.
- [7] Зализняк Анна А. Дискурсивные слова *видимо* и *по-видимому*: актуальная и диахроническая семантика. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог». Вып. 20 (27). — М.: РГГУ, 2021, с. 720–728.
- [8] Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. К семантике русских причинных предлогов // Московский лингвистический журнал. Т. 2. — М.: РГГУ, 1996.
- [9] Киселева К., Пайар Д. (ред.). Дискурсивные слова русского языка. Опыт контекстно-семантического описания. Сб. статей. — М.: Метатекст, 1998.
- [10] Козинцева Н.А. Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) // Храковский В.С. (ред.) Эвиденциальность в языках Европы и Азии. — СПб.: Наука, 2007, с. 37–46.
- [11] МАС — «Малый академический словарь» = Словарь русского языка в четырех томах. 3-е, стереотип. изд. — М.: Русский язык, 1985–1988.
- [12] Морковкин В.В. (ред.), Большой универсальный словарь русского языка. В 2-х томах. — М.: АСТ-Пресс, 2022.
- [13] РГ-80 — Русская грамматика: В 2-х т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980.
- [14] Сичинава Д.В. Использование параллельного корпуса для количественного изучения лингвоспецифичной лексики // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 10. — М.: Макс Пресс, 2014, с. 37–44.
- [15] Шмелев А.Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2015» Вып. 14 (21). — М.: РГГУ, 2015.
- [16] Aikhenvald, A.Y. Evidentiality. — Oxford: Oxford University Press, 2004.
- [17] Dobrovol'skij D., Pöppel L. Russian constructions with *nu i* in parallel corpora // Mellado Blanco, Carmen (ed.). Productive Patterns in Phraseology and Construction Grammar. A Multilingual Approach. — Berlin, Boston: de Gruyter, 2022, pp. 191–213.
- [18] Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- [19] Traugott E.C. From propositional to textual and expressive meanings: Some semantic-pragmatic aspects of grammaticalization // W.P. Lehmann, Y. Malkiel (eds.). Perspectives on Historical Linguistics. — Amsterdam, Philadelphia, 1982, pp. 245–271.
- [20] Traugott E.C., König E. The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited // E.C. Traugott, B. Heine (eds.). Typological Studies in Language 19: 1991, pp. 189–218.
- [21] van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map // Linguistic Typology, 2, 1998, pp. 79–124.

References

- [1] Aikhenvald, A.Y. Evidentiality. — Oxford: Oxford University Press, 2004.
- [2] Baranov A.N., Plungian V.A., Rakhilina E.V. Guide to Russian discourse words [Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka]. — Moscow: Pomowski & Partner, 1993.
- [3] Boguslavskaya O.Yu., Levontina I.B. The meanings of 'cause' and 'goal' in natural language [Smysly 'prichina' i 'tsel' v estestvennom yazyke] // Voprosy jazykoznanija, 2004. No. 2, pp. 68–88.
- [4] Dobrovol'skij D.O., Levontina I.B. Modal particles and the actualization of forgotten details (based on the materials of parallel corpora) [Modal'nye chastitsy i ideya aktualizatsii zabytogo (na materiale parallel'nykh korpusov)] // Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2015". Issue. 14 (21) [Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2015"]. — Moscow: RGGU, 2015, pp. 106–117.
- [5] Dobrovol'skij D., Pöppel L. Russian constructions with *nu i* in parallel corpora // Mellado Blanco, Carmen (ed.). Productive Patterns in Phraseology and Construction Grammar. A Multilingual Approach. — Berlin, Boston: de Gruyter, 2022, pp. 191–213.
- [6] Dobrovol'skij D. O., Zalizniak Anna A. Parallel corpus as a tool for semantic analysis: German modal verb *sollen* [Parallelnyj korpus kak instrument semanticheskogo analiza: nemetskiy modal'nyj glagol *sollen*] // Proceedings of the International Conference "Corpus Linguistics-2021" [Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Korpusnaya lingvistika-2021"]. — St. Petersburg: Scythia-print, 2021, pp. 209–218.
- [7] Dobrovol'skij D. O., Zalizniak Anna A. Evidentiality and epistemic modality in the semantics of the German verbs *sollen* and *wollen* (based on the data from the German-Russian parallel corpus) [Evidentsial'nost' i epistemicheskaya otsenka v znachenii nemetskiikh glagolov *sollen* i *wollen* (po dannym nemetsko-russkogo parallel'nogo korpusa)] // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference "Dialogue 2022". Issue 21 (28) [Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii "Dialog 2022". Vyp. 21 (28)]. — Moscow: RGGU, 2022, pp. 132–140.
- [8] Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- [9] Iordanskaja L.N., Mel'čuk I.A. On the semantics of Russian causal prepositions [K semantike russkiikh prichinnykh predlogov] // Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal. Vol. 2. — Moscow: RGGU 1996.
- [10] Kiseleva K, Paillard D. (eds.). Russian discourse words. Towards contextual and semantic description. Collection of articles [Diskursivnye slova russkogo yazyka. Opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya. Sb. statey]. — Moscow: Metatext, 1998.
- [11] Kozintseva N.A. Indirect source of information in the utterance (based on Russian data) [Kosvennyj istochnik informatsii v vyskazyvanii (na materiale russkogo yazyka)] // Khrakovskiy V.S. (ed.) Evidence in the languages of Europe and Asia [Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii]. — St. Petersburg: Nauka, 2007, pp. 37–46.
- [12] MAS — Dictionary of the Russian language in four volumes [Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh]. 3rd ed. — Moscow: Russkiy yazyk, 1985–1988.
- [13] Morkovkin V.V. (ed.). A large universal dictionary of the Russian language. In 2 volumes [Bol'shoy universal'nyj slovar' russkogo yazyka. V 2 tomakh]. — Moscow: AST-Press, 2022.
- [14] RG-80 — Russian grammar [Russkaya grammatika]: In 2 volumes. N.Yu. Shvedova (ed.). — Moscow: Nauka, 1980.
- [15] Shmelev A.D. Russian language-specific lexical units in parallel corpora: research opportunities and "pitfalls" [Russkie lingvospetsifichne leksicheskie edinitsy v parallel'nykh korpusakh: vozmozhnosti issledovaniya i «podvodnye kamni»] // Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2015". Issue. 14 (21) [Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2015"]. — Moscow: RGGU, 2015.
- [16] Sichinava D.V. The use of a parallel corpus for the quantitative study of language-specific vocabulary [Ispolzovanie parallel'nogo korpusa dlya kolichestvennogo izucheniya lingvospetsifichnoy leksiki] // Language, Literature, Culture: Actual Problems of Study and Teaching [Yazyk, literatura, kul'tura: Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya]. Issue 10. — Moscow: Maks Press, 2014, pp. 37–44.
- [17] Traugott E.C. From propositional to textual and expressive meanings: Some semantic-pragmatic aspects of grammaticalization // W.P. Lehmann, Y. Malkiel (eds.). Perspectives on Historical Linguistics. — Amsterdam, Philadelphia, 1982. 245–271.
- [18] Traugott E.C., König E. The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited // E.C. Traugott, B. Heine (eds.). Typological Studies in Language 19: 1991, pp. 189–218.
- [19] van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map // Linguistic Typology, 2, 1998, pp. 79–124.
- [20] Zalizniak Anna A. Russian language-specific units in the light of contrastive corpus analysis // Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2015". Issue 14 (21) [Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2015"]. — Moscow: RGGU, 2015, pp. 651–662.
- [21] Zalizniak Anna A. Russian discourse markers *vidimo* and *po-vidimomu* ('apparently'): synchronic and diachronic semantics // Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2021". Issue 20 (27). [Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2021"]. — Moscow: RGGU, 2021, pp. 720–728.